

Александр Глотов (Кременец)

Как Соломон Рабинович спасал русскую литературу

За довольно продолжительный период преподавательской работы мне, как, впрочем, думаю, и любому на моём месте, приходилось сталкиваться с различными проявлениями когнитивной деятельности, в том числе — довольно забавными. Первые тридцать лет относил эти казусы к специфике студенческой психологии, дескать, «от сессии до сессии живут студенты весело», и ничего с этим поделаться нельзя. Но последнее десятилетие категорически перестало быть томным. Всё чаще вспоминалась сентенция нашего старшины роты из далёких 70-х: «Солдат пошёл мелкий, прожорливый и сачковитый».

Апофеозом этой тенденции стал для меня обыденный случай из практики вуза. Администрация как-то решила модернизировать учебный процесс и с этой целью включила рычаги интерактивности: провела среди студентов опрос на тему, что мы такого придумали хорошо и что вы из этого сделали плохо. Разумеется, у студентов возник ряд претензий, каковые администрация порекомендовала в кратчайший срок погасить. С этой целью прихожу к студентам филологической специальности, изучающим иностранный язык, и вопрошаю: чего вам надобно? А вот, говорят студенты-филологи, задания трудные даёте, не по плечу одному! А пример в студию, не сдаюсь я. И студенты, не моргнув глазом, ташшат в студию пример: «Образовать от глагола, ну скажем, „думать“ форму множественного числа третьего лица прошедшего времени». Слегка завис, но продолжаю оптимистически смотреть на мир: «И что в этом задании такого непонятного?». «Так вот после слова „образовать“ — всё непонятно!». No comments, потому что, надеюсь, sapient — sat.

И я понял, что между четвёртым классом средней школы и вторым курсом вуза у нынешнего поколения студентов образовалась «мёртвая зона», заполненная, очевидно, важными и нужными процессами: социализацией, становлением личности подростка, формированием комплекса ценностей и тому подобным. Кроме получения образования. А оно в постсоветских государствах (по крайней мере — в России, Украине, Беларуси и Казахстане) перестало быть жизненно необходимым. Потому что в упомянутых странах для получения документа

о среднем образовании и последующего поступления в высшее учебное заведение школьнику достаточно сдать тесты государственной итоговой аттестации (в разных странах они называются по-разному). Но отнюдь не знать предмет. Это, как оказалось, принципиально разные вещи.

Не буду здесь приводить страдания российских столичных филологов из ведущих университетов, которые на всякий случай проводили для студентов-первокурсников, только что блестяще сдавших ЕГЭ (единный государственный экзаме́н), диктант на знание русского языка. Результаты заслуживают отдельной юмористической книги.

Не буду также особо распространяться о том шоке, который испытывают последние годы украинские преподаватели математики, видя плачевные итоги сдачи ВНО (внешнего независимого оценивания) по этому предмету.

Но первое место в этом состязании «Похвала глупости», как называл такие чемпионаты профессор богословия леди Маргарет Кембриджского университета Герхард Герхардс, в миру более известный как Эразм Роттердамский, заняла, конечно же, история с китайским академиком. Если запросить русскоязычный Интернет, кто такой *китайский профессор* и что он сказал о ЕГЭ, то мы получим **97 000 линков** на различные средства массовой коммуникации, включая учебник для иностранцев о российских СМИ.

И если бы не избыточная подробность в названии учебного заведения, из которого приехал профессор, то и у меня не возникло бы даже подозрения о достоверности заметки в интернет-издании. Но годы жизни в мировой паутине приучили меня к инстинктивному факт-чекингу. А ведь как убедителен был этот квази-докладчик на будто бы конференции в МВТУ имени Баумана, какие цифры и проценты якобы приводил, рассказывая о том, что страны «в которых была введена тестовая оценка знаний учащихся», прямо-таки обрушили уровень качества образования выпускников школ. И у читателей этого текста, особенно — работников высшей школы, даже сомнений не закралось по поводу правоты и своевременности доклада академика. Как говаривал по похожему поводу Джордано Бруно: «*Se non è vero, è ben trovato*» («Если это и неправда, то это хорошо придумано»).

Причиной роста негативного вектора тестовой системы является то, что для достаточно успешного решения теста можно не знать предмет от слова вообще, достаточно угадать или догадаться, выбрав правильную версию ответа на поставленный вопрос. Для наглядности я всегда привожу пример того, как можно получить иллюзию знания, не имея этого знания. В аудитории, не знающей польского языка, я предлагаю ответить на вопрос, как будет по-польски «зубной врач». В русскоязычной или даже украиноязычной среде, как правило, ответ на

этот вопрос не очевиден. Но когда я предлагаю на выбор перечень слов: «ateista», «artysta», «dentysta» или «turysta», аудитория радостно узнаёт искомое слово — и в результате переполняется гордостью от того, что она, оказывается, знает польский язык. Как говорится в старом анекдоте: «вот так и комарики». Ибо этим и исчерпывается познавательный потенциал методики изучения чего бы то ни было с помощью тестов.

В любом случае, антикоррупционные плюсы системы независимого тестирования, которые были идеологической основой введения её в практику, с течением времени всё больше уступают свои позиции антикогнитивным минусам её. Человек — такое вредное животное, которое в массе своей не будет под страхом смертной казни делать то, что оно делать не обязано. Это один из его основных инстинктов.

Разумеется, нет такой чётко определённой суммы каких-то знаний, наличие которой делает человека образованным. Вот, например, масса успешных писателей различных времён и народов слабо владели орфографией собственного языка. И отсутствие в активной памяти математической формулы $a^2 - b^2$ ещё не дисквалифицирует гражданина как социальную личность. А уж тем более владение лингвистической терминологией ещё не повод для надувания щёк. Ну нет такого предмета в школьной спецификации, который бы именно формировал менталитет современного homo sapiens. Главное, чтобы об этой максиме не узнали школьные учителя-предметники, каждый из которых убеждён, что без их ботаники или тригонометрии цивилизация на Земле прекратила бы своё существование.

Разумеется, подавляющее большинство школьных дисциплин имеет самое непосредственное отношение к наукам, имя которых они носят: химия, физика, астрономия, биология... И изучение этих предметов приобщает учащихся к логике и сущности именно этих наук, структурируя сознание реципиентов специфическим образом.

Кроме одного предмета. Потому что нет такой науки — литература. А уроки — есть. Но на этих уроках не изучают теории литературы, а также не изучают истории литературы. И ни одной из вспомогательных литературоведческих дисциплин тоже нет в перечне учебного плана. И если кто-то подумает, что на этих уроках учат создавать литературные произведения, то он будет разочарован. Отнюдь. На уроках литературы просто читают тексты литературных произведений и обсуждают их с точки зрения психологии и морали. Это называется — анализ литературного текста.

Из этого можно сделать вывод о том, что уроки литературы призваны формировать мировоззрение и нормы поведения, присущие тому обществу, которое

описано в этих литературных произведениях. И значит — самое главное: выбрать именно те творения мастеров слова, которые безошибочно и однозначно сформируют универсальную нравственную личность. Из них и будет состоять социум, создаваемый усилиями сначала писателей, а затем — учителей литературы.

Потому что если предположить, что такая задача всё же НЕ стоит перед школьным учителем литературы, то его существование теряет смысл. Поскольку остаётся тогда только пресловутое эстетическое образование. Но навыки получения наслаждения от изящной фразы и изысканной метафоры, трепетание душевных фибр от аллитерации или ассонанса — всё это, во-первых, зависит от врождённой предрасположенности личности к такому восприятию, так же, как наличие или отсутствие музыкального слуха, и научить этому просто невозможно. А во-вторых, система школьного обучения с его планами и оценками отнюдь не способствует гармоническому сосуществованию творческого замысла писателя и сотворчества читателя, существующему в воображении исключительно теоретиков эстетики как науки.

И методологическое обоснование у составителей школьных программ по литературе любой геополитической структуры всегда имеется. Достаточно вспомнить социалистическую идеологию, сочащуюся из всех пор литературных текстов, внедряемых в сознание детей и юношества, готовящихся стать новой исторической общностью — советским народом. Впрочем, руководство СССР в этом смысле не было каким-то исключением, власть предержавшие во все времена и у всех народов очень бдительно следили за идеологическим благонаравием художников слова. Поэтому римский император отправляет легкомысленного поэта, написавшего в своей книжке не те слова, которые от него ожидали, в ссылку с той же легкостью, как это делает спустя тысячелетие в подобной ситуации российская императрица. А издатели, блюдущие пуританскую мораль и следующие нормам нравственной цензуры, гоняют автора *Лолиты* по всей славящейся свободой слова Америке.

С отечественным иконоostasом, то есть — с перечнем произведений конкретной национальной литературы, долженствующим осесть в сознании подрастающего поколения, более-менее всё ясно. Пережившие советскую и постсоветскую эпохи имели счастье наблюдать как колебания линии партии, отражённые в очередном отчётном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, так и могучий ураган декоммунизации, начиная с перестроечных рокировок, когда забытых и запрещённых авторов публиковали не меньшими тиражами, чем в своё время «Малую землю» товарища Брежнева, и учителя за *Мастера и Маргариту* так же лихо ставили двойки, как в своё время за Гимн Советского Союза.

Смена декораций произошла очень быстро в российских, украинских и прочих постсоветских школьных программах, как, впрочем, и в программах польских, чешских и иных постсоциалистических систем. Государства, не пережившие столь радикальных социальных перемен, разумеется, более консервативны, и новации в школьных программах у них зависят только от мирового гламура, от очередного Винни-Пуха и Гарри-Потера.

Но несколько иначе выглядит ситуация с так называемой зарубежной литературой. И тут требуется некое методологическое отступление, вызванное неоднозначностью понимания самого феномена — «зарубежная литература».

Проблемность возникает, во-первых, при дефиниции ЧТО есть зарубежная литература, а во-вторых — при определении того, что ИМЕННО надлежит изучать.

Для начала вспомним, что школьный предмет «зарубежная литература» на весь крещённый мир существует только в одном, насколько мне известно, государстве — Украине. На всём остальном эдукационном пространстве, от Жешува до Рейкьявика в Европе и от штата Мэн до штата Аляска на американском континенте, не говоря уже о постсоветских государствах, существует предмет в лучшем случае «литература» (потому что поляки, например, вообще изучают «język polski», в рамках которого есть и собственно język, и польская литература, и литература мировая). Впрочем, и украинские зарубежники порвали последние вышиванки на баррикадах, отстаивая суверенность своего предмета, возникшего на обломках советской власти.

Самое логичное и самое простое определение зарубежной литературы — вся, кроме национальной. Поэтому в каждом социуме свой кадастр обрабатываемых земель, английская литература, сама по себе зарубежная для российских школьников, таковой не является для школьников английских. Тут другая проблема: является ли она зарубежной для школьников американских? Не говоря уже об австралийских, канадских, новозеландских и прочих подданных британской короны. Та же история с бразильскими школьниками: являются ли для них фактами отечественной литературы португальские классики Камюэнс и Сарамгу, или им достаточно бразильца Жоржи Амаду? А ведь есть еще и бельгийский франкоязычный писатель Шарль де Костер, который для бельгийских же, но уже немецко-, фламандско- и валлонскоязычных школьников отечественным автором вряд ли является. У них свой иконостас.

То есть, литература отечественная — не всегда одно и то же для граждан даже одного и того же государства. Особенно это видно в полиэтничных и федеративных геополитических устройствах. Для ульяновского, скажем, школьника «наше всё» — это Пушкин, а для соседнего казанского — уже Габдулла Тукай.

Когда же речь заходит о собственно зарубежном комплекте, достойном благосклонного внимания того или иного национального читателя, то все попытки прийти к общему знаменателю до сих пор кончались крахом.

Перейдём к конкретному поводу нашей беседы. Так вот, в процессе анализа художественных ценностей, претендующих на универсальность и общечеловеческий смысл, я обратился кроме всего прочего к программе по зарубежной литературе для старших классов (9—11) средней школы Украины¹. Напомню: в Украине это — отдельный (пока что) предмет.

Выяснилось, что в наиболее распространённой версии программы по этому предмету идет ожесточённая борьба за первенство. В частности, в четвёрку лидеров пелотона входят десять франкоязычных авторов (Франция, Бельгия), одиннадцать авторов, писавших на немецком языке (Германия, Австрия, Швейцария), двенадцать англоязычных писателей (Англия, США) и двенадцать русскоязычных мастеров слова. То есть, золотой медали не досталось никому.

Но. Среди авторов, напомню, в украинской программе по зарубежной литературе числится писатель, родившийся в старинном украинском городе Переяславе, до недавнего времени называвшимся Переяславом-Хмельницким. Правда, тогда, в 1859 году это была Российская империя. В возрасте 46 лет, спасаясь от туберкулёза и старинной славянской забавы — еврейских погромов, наш автор выехал в Германию, где его понимали все, но откуда с началом мировой войны как российский подданный он был интернирован, оказался в США, где и умер. Тургенев, Герцен, Чехов, Гоголь — все они годами жили в различных заграничных, что отнюдь не препятствовало их бытованию в читательском сознании как русских писателей.

В чём же отличие Соломона Наумовича Рабиновича от этих писателей, что он не попал в список русских авторов. Может быть, еврейское происхождение? Так в русской литературе двадцатого века таким происхождением может похвастаться если не половина, то очень значительная часть литераторов. Это я вам как автор библиографического справочника по русской литературе XX века подтверждаю².

Правда, в отличие от большинства еврейских по происхождению авторов он не стал скрываться за русским псевдонимом. Он скрылся за псевдонимом еврейским. Более еврейский псевдоним трудно себе представить: Шолом Алейхем.

Конечно, он писал на языке идиш. Во времена Шолом Алейхема на этом языке разговаривали (и читали) одиннадцать миллионов евреев во всем мире. Но если

¹ *Освітні програми* // Міністерство освіти і науки України. Режим доступу: <https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi>. Дата звернення: 13.08.2020.

² Глов А. *Круг чтения: век двадцатый*. Библиографический справочник по истории русской литературы XX века послереволюционного периода. Научно-методическое пособие. Тернополь: «Навчальна книга Богдан», 2011. 160 с.

кто-то на минуточку подумает, что евреи мира говорят только на идиш, то вот вам раз. Это все древние евреи говорили на иврите, а современные израильтяне надеются, что они на нем говорят. После галута из Эрец-Исраэль евреи заговорили на множестве самых разнообразных языков — и все они еврейские. И идиш имеет столько же общего с ивритом, сколько русский с санскритом.

А на данный момент единственное место на планете Земля, где идиш — официальный язык, это Еврейская автономная область со столицей Биробиджан, входящая в состав Дальневосточного федерального округа Российской Федерации. С населением 158 тысяч человек. Что характерно, это регион с рекордной для России частью этнических русских. Их тут 93 процента. А собственно евреев — 1628 человек. 1 процент. Называющих себя евреями. Почему-то.

И теперь скажите мне, где живёт читатель Шолом Алейхема на языке оригинала? Де юре — в России. Де факто — Шолом Алейхема во всём мире, начиная с России и Украины, читают в переводе.

Будем откровенны: да никогда в жизни Шолом Алейхем не попал бы в списки школьных хрестоматий. Кто-нибудь читает Менделе Мойхер-Сфорима? А Ицхока-Лейбуша Переца? А ведь эти авторы были на голову круче Рабиновича, они были основателями литературы на идиш.

Но всё дело в том, что умер Шолом Алейхем 13 мая 1916 года в небольшом городишке на восточном побережье североамериканского континента — Нью-Йорке.

И спустя 50 лет американский еврей Джозеф Стайн, проникшийся горестной судьбой единоверца, прочитал его рассказы о Тевье-молочнике и написал на основе их либретто для мюзикла, названного позже *Скрипач на крыше*. А потом — сценарий одноимённого фильма, получившего три «Оскара» и «Золотой глобус». А ещё один американский еврей Шелдон Майер Хардник написал тексты к песням мюзикла *Fiddler on the Roof*.

После чего *Тевье-молочника* уже как мировую классику сыграли и Михаил Ульянов, и Богдан Ступка, а спели и сыграли *Скрипач на крыше* и «Виртуозы Москвы», и Елена Камбурова, и Национальный театр оперетты Украины.

Шолому Нохумовичу и не снилась такая мировая слава. Он просто не мог не попасть в список для школьных хрестоматий.

И теперь вернёмся к кодификации Шолом Алейхема как представителя определённой национальной литературы. Проблема, если сократить все вступительные умствования, состоит в том, что не определены критерии, по которым того или иного писателя можно отчётливо отнести к конкретной национальной литературе. Естественно, если этнически русский литератор живёт в России и пишет на русском языке, то сомнений практически нет: это русский писатель.

Но таких случаев в мировой литературе по большому счёту — единицы. Потому что американские, новозеландские, австралийские, канадские, южноафриканские писатели пишут преимущественно на английском, а отнюдь не на американском, новозеландском, австралийском, канадском или избави Бог — южноафриканском языке (хотя такой — африкаанс или бурский язык тоже есть). Масса народу говорит и пишет на испанском, не будучи испанцами. И это первый аспект проблемы.

Есть страны многоязычные. И это второй аспект. «Под швейцарской литературой понимают немецко-и франкоязычные литературные произведения, однако ввиду сложной языковой обстановки на территории Швейцарии в понятие «швейцарская литература» может быть включена также литература на итальянском и романшском языках»³. «Бельгийская литература — литература Бельгии, главным образом франкоязычная и фламандская»⁴.

Есть страны, которые определённый период времени не имели своей государственности. И это третий аспект. Юлиуш Словацкий как родился в Российской империи, так и умер в Париже, всё это время будучи писателем не существующего государства. То же самое с Адамом Мицкевичем, с той только разницей, что последний умер в Стамбуле. А Зыгмунт Красиньский из Парижа, можно сказать, и не выходил. Но все они — классики польской литературы.

Таким образом, существуют три критерия: 1. этническая принадлежность; 2. язык, на котором писал автор; 3. государство, подданным которого был литератор. Ни один из них не является универсальным. Потому что:

во-первых, национальная принадлежность личности является преимущественно личным выбором и личным делом этой личности и не может быть определена сколько-нибудь объективно;

во-вторых, язык а) может быть выбран автором (писатели-билингвы Владимир Набоков, Милан Кундера, Василь Быков, Чингиз Айтматов, Леонид Киселев, Сергей Лазо), б) может не соответствовать названию государства (английский, испанский, португальский в бывших колониях), иначе Эрнест Хемингуэй был бы английским писателем, а Пауло Коэльо — португальским;

в-третьих, а) государство может быть многоязычным, и б) государства может вообще не быть или не существовать какое-то время.

Наконец, в-четвёртых, можно махнуть на это рукой и не принимать во внимание этот элемент теории и истории литературы. Но что делать с Шолом Алейхемом?

---

³ *Литература Швейцарии* // Википедия. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Литература_Швейцарии](https://ru.wikipedia.org/wiki/Литература_Швейцарии). Дата обращения: 13.08.2020.

⁴ Там же.

Соломон Рабинович был безусловно евреем. Но читательской аудитории на языке идиш в данное время не существует. Как не существует (и не существовало) государственного образования, в котором язык идиш был бы безусловно востребован как культурный феномен.

И я чуть было не возвёл Шолом Алейхема в ранг уникаума. Но вовремя опомнился.

Был ли Квинт Гораций Флакк римлянином? Конечно. Были ли у него читатели на латинском языке? И даже очень. Существует ли сейчас государство Рим? Разумеется, нет. Есть ли читательская аудитория на латыни? Кроме докторов — нет. Значит ли это, что Гораций — вне традиции? Да ни Боже мой. Таких горациев древнеримского, древнегреческого, византийского, древнеегипетского, шумерского и прочая, и прочая — пруд пруди. Не всем повезло с громкими империями, не все попали в европоцентричный ареопаг культуры: там, например, никогда не было вьетнамских или перуанских литераторов, да и японские с китайскими с большим трудом пробиваются к типографскому станку. Это один вариант, не очень удобоваримый по причине того, что культура идиш еще не заронзовела в веках.

Еще одна версия: Шолом Алейхем — российский писатель. Потому что, во-первых, уроженец Российской империи, а во-вторых, сейчас для украинского читателя он зарубежный именно как российский. Ну не американский же. И тогда в состязании на наиболее читаемого автора в украинской программе по зарубежной литературе русская литература уверенно выходит на первое место.

Но это при условии, что российские литературоведы согласятся признать литературу идиш фрагментом великой русской литературы. А склонность к этому в некоторых кругах российской интеллигенции намечается. Вот, например, какое определение русской литературе дает сайт «Основы духовной культуры»: «Русская литература — это прежде всего литература русского народа и людей другой нации, воспитанных в традициях русской культуры и веры и живущих интересами и чаяниями русского народа и творящих во славу его»⁵. Разумеется, такой подход далеко не общепринятый. Хотя он в значительной степени оправдан.

И, наконец, последняя версия. Во время оно во Львовском университете студентам-филологам читался курс «Литература народов СССР», куда вошли все те грузины, армяне и прочие киргизы, не попавшие в силу устоявшейся традиции в курс зарубежной литературы. Для еврея Шолом Алейхема, жившего в Украине, писавшего только об Украине, пускай и на идиш, «Литература народов Украины» была бы наиболее оправданной нишей. Где он был бы в компании Шмоэля

⁵ *Русская литература* // Основы духовной культуры. Режим доступа: https://rus-spirit-culture-enc.slovaronline.com/1839-русская_литература. Дата обращения: 13.08.2020.

Агнона, Бруно Шульца, Тимоша Падурь, Бориса Чичибабина, Григория Глазова, Ангелины Бульчёвой, Эрнста Портнягина, Василия Глотова, Андрея Куркова и многих других.

Но это вообще целая новая отрасль в истории современной литературы. Что из этого получится — трудно сказать. Во всяком случае мои попытки ввести фрагменты этого проекта в школьную программу встретили глухое сопротивление Министерства образования и науки Украины.

How Solomon Rabinovich saved Russian literature

The analysis of the scientific and methodological approach to the foreign literature texts corpus formation in the curriculum for the upper grades of secondary schools in Ukraine has shown the prevalence of traditional methods of literary works selection. Most of the texts belong to the Eurocentric culture: French, German, English, Russian. At the same time, there are authors who can hardly be attributed to any national literature if we proceed from generally accepted criteria: language, nationality, state. Since the history of Ukrainian culture is intertwined with the history of many other European peoples, I suggest creating a special historical and literary category for such authors: "Literature of the peoples of Ukraine".